— Дедушка?

Глаза Рапелиона расширились, и он покачал головой.

— Да-да, зови меня дедушкой, — счастливо улыбнулся барон Просье маленькому мальчику.

Все четверо сели за трапезу вместе. За последние два дня Рапелион привык к новому окружению и установил границы для барона и баронессы. Жена барона, похожая на Лизель, была для него значимой фигурой. Маленький очаровательный мальчик давно их покорил.

— Ну, ребенок, думаю, выглядит как наша Лизель, когда она была младше.

Неожиданные слова матери удивили Лизель.

«Что ты говоришь? У нас разный цвет волос и глаз, я совсем не похожа на Лапеля, он ведь такой прелестный и милый. Или мои родители смотрят иными глазами? Я похожа на вас, а не на Лапеля».

Реакция родителей, превышавшая все ее ожидания, крайне ее смутила.

— Вы обращаетесь с ним как со своим внуком.

— Кажется, да. Ох! Наша Лизель тогда была такой маленькой! Когда ты успела так вырасти?

Как будто погрузившись в свои воспоминания, барон Просье проронил слезу.

Он впервые видел, чтобы его дочь была такой милой с мальчиком, и он не находил себе покоя. Для него оказалось новостью, что его дочери нравятся дети.

«Она всегда любила роскошь и дорогие вещи...».

Кажется, каким-то невероятным образом его дочь разом стала старше. Барон не мог избавиться от чувства ностальгии и одиночества, которые его преследовали.

Лизель открыла рот от абсурдности происходящего: барон плакал и не мог остановиться.

— О, дорогой... — Розали вынула свой носовой платок и вытерла мужу слезы.

— Я просто рад тому, что здоровье моей дочери улучшилось.

Барон торопливо смахнул слезы и устремил на Лизель печальный пристальный взгляд.

С тех пор, как она сюда попала, Лизель не знала, как отвечать на безграничную любовь отца. Он был бароном, покрывающим расточительство дочери за счет кредитов.

Этот взгляд на воспитание давно был ошибочным, но, в конце концов, так он выказывал привязанность к своей драгоценной дочери. Она в некотором смысле стеснялась этой невероятной любви барона.

«С тех пор как я была ребенком, меня впервые любят безо всяких условий».

Это напомнило ей умерших родителей, и ее сердце сжалось.

— Тебе грустно, дедушка?

Пока она размышляла, не в силах ответить, Лапель, уставившись на барона, задал ему вопрос. На его лице было написано беспокойство, что слезы мужчины вызваны печалью.

— Это слезы радости.

— Как?

— Я плачу, потому что очень счастлив.

Барон потрепал Лапеля по голове, дружелюбно улыбнувшись.

— Если ты счастлив, то ты плачешь, и плачешь, когда ты печален?

Пятилетний Лапель был любопытен. Он был как раз в том возрасте, когда дети очень любознательны и интересуются всем происходящим.

— Если я слишком счастлив или слишком печален, да, я буду плакать, — ответил барон без всякого раздражения.

Лапель, задающий вопросы, заставил его вспомнить, какой была Лизель в том же возрасте.

Старые воспоминания вызвали на лице барона улыбку.

— Давайте поедим.

При словах Розали началась дружеская трапеза.

Когда Лапель убедился, что все едят, он взял ложку.

Его маленькая рука нетерпеливо оттолкнула морковку к краю тарелки.

— Лапель.

Но это не могло остаться незамеченным.

Лизель, замечавшая все, заговорила суровым голосом, и Лапель вернул морковку в суп.

— Хе-хе…

И он не забыл улыбнуться, как будто ничего и не случилось.

— Надо же, когда тебе приходилось есть морковь, ты делала то же самое.

— Да?

Лизель отказывалась признать, что слова Розали были правдой.

— Лизель, ты не ела морковку и зеленый перец, когда была младше.

Честно говоря, как и настоящая Веразель, она не любила болгарский перец, но ела его.

«И я, взрослая, разборчива, так что действительно не могу ругать Лапеля за то, что он делает то же самое сейчас».

Пока Лизель, подавленная и обеспокоенная тем, что Лапелю требовалось есть как можно лучше и скорей выздоравливать, ела свой суп, барон Просье вычерпал всю морковку из тарелки Лапеля и в один присест съел ее. А потом приставил к губам указательный палец, обращаясь к ребенку.

— Ш-ш!

Лапель рассмеялся и повторил жест за бароном. За спиной у Лизель у них появился общий секрет.

***

С этого дня Лапель привязался к барону.

— Дедушка!

Лапель бежал за ним, размахивая кусочком бумаги в руке.

— О, тебе нужно быть осторожнее, не то упадешь!

Барон обнял подбежавшего Лапеля и доброжелательно улыбнулся.

— Дедушка, посмотри!

Лапель гордо развернул бумагу, которую держал, перед собой. На клочке было что-то вразброс нацарапано.

Бумага была почти вся испещрена каракулями.

— Дедушка, это — ты, это — Лизель, а это — Лапель! — уверенно сказал Лапель, показывая на каждую линию на бумаги.

Так это не была надпись — это был рисунок. Рисунок барона, баронессы, Лизель и Лапеля.

— Дедушка ест печенье!

Барону казалось, что Лапель просто взял ручку и нарисовал что и как попало, но оказалось, что в этих каракулях был смысл. Мужчина улыбнулся и погладил Лапеля по голове, увидев эту мазню.

Хотя картина была неузнаваема, это не имело значения: барон просто поддерживал слова и действия мальчика. Ведь ребенок хотел от него похвалы и улыбки.

— О, вижу. Я с радостью поделюсь печеньем. Ты и правда нарисовал замечательно.

— Хе-хе! Печенье!

Лапель, обрадованный словами барона, восторженно покрутил головой. Оказалось, что он был в отличном настроении.

— Тогда пойдем готовить печенье?

— Да!

Когда Лапель услышал вопрос барона, который точно разгадал его намерения, он выпучил блестящие глаза и поднял руки.

Барон поднял хитрого мальчишку на руки и направился прямиком на кухню.

Они были настоящими друзьями.

— Лапель! — Тем временем Лизель, только что спустившаяся за ним на первый этаж, обыскивала дома.

Она искала его с тех пор, как он восторженно побежал показывать ее отцу картинку, которую нарисовал. Но он еще не вернулся.

— Лапель!

Лизель вошла на кухню и остановилась — как нельзя более вовремя.

— Папа.

Ее глаза сузились, когда она увидела эту парочку. Барон Просье и Лапель выпучили глаза, когда Лизель неожиданно вошла в комнату. Оба они отчаянно жевали, битком набив себе рты.

— Не давай ему печенья до еды.

Когда Лизель отчитала барона, тот распахнул рот, продолжая стремительно жевать.

— Это не печенье…

— У тебя крошки вокруг рта.

Барон тихонько вытер рот, чтобы избавиться от этой улики.

Днем все четверо пошли пить чай в сад.

Лапель сказал, что печенье, которое он тогда съел, было очень вкусным, и он вес день пытался

есть печенье, а не рис.

«Я пообещала Лапелю, что буду давать ему печенье после каждой трапезы, потому что сейчас он как следует не ест и все время ищет печенье. Но мой отец отдал ему целую банку!».

— Кажется, он слишком хочет печенья.

Барон стал мрачным, когда дочь отчитала его, и передернул плечами.

Для остальных старый барон выглядел как отец, которого ругает собственная же дочь.

— Нет-нет. Я хотела сказать… — несколько расслабившись, Лизель приблизилась к ним обоим.

Каким-то образом, пока шло время, ее отец, видимо, все больше стал наслаждаться игрой с Рапелионом. Он понимал слова Лапеля и благожелательно относился к нему. Вдобавок, опыт ее родителей и годы, которые они затратили на воспитание своих детей, нельзя было не учитывать.

— Лапель, ты не можешь пропускать ленч, просто поев печенья.

— Ой! Хе-хе!

Когда Лизель обняла Лапеля, он широко улыбнулся. Вокруг его рта было немало крошек. К вящему своему удовлетворению, он уже съел целую стопку печенек.

Не было никакого секрета в том, что он намеренно показал барону картинку, на которой тот ел печенье, потому что хотел их сам.

http://tl.rulate.ru/book/52860/1422458